

ИСКУССТВО

АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА ВЪ ВЕРСАЛѢ.

(ФРАГМЕНТЪ „ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОРТРЕТА“).

АНДРЕЙ ЛЕВИНСОНЪ.

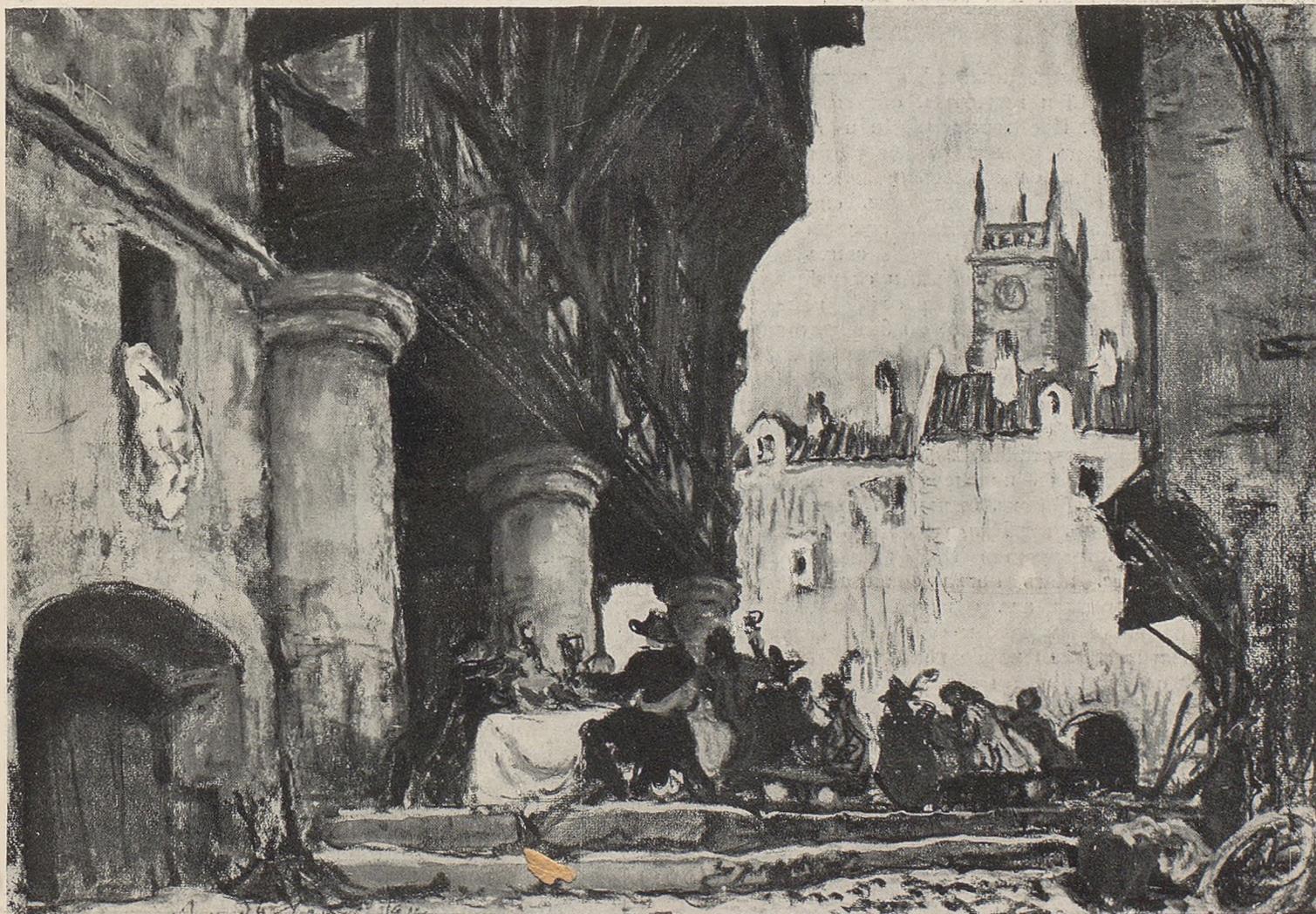
китайскъ по пустыннымъ заламъ Версальскаго замка, проникаешь, наконецъ, минуя знаменитую приемную de l'Œil de Boeuf, въ самое средоточіе бывшихъ «большихъ апартаментовъ»: королевскую спальню, гдѣ нѣкогда совершался изо дня въ день положенный обрядъ утреннихъ «вставаній» и вечернихъ аудіенцій.

По правую руку отъ парадной постели, огражденной золоченой балюстрадой, той самой постели, гдѣ были выставлены два столѣтія тому назадъ вздутые гангреной останки того, кто былъ Людовикомъ XIV, — помѣщается нынѣ раскрашенный восковой рельефъ, изображающій Короля-Солнце на ущербѣ.

Подобно большинству изображеній, созданныхъ изъ этого, слишкомъ податливаго матеріала, портретъ оживленъ какой-то кошмарной, почти отталкивающей правдой: державный профиль, обрамленный обильными буклями парика изъ накладныхъ волосъ, дышетъ жуткою жизнью наводненія. Мастеръ запечатлѣлъ покатыи лобъ, героическую дугу бровей, царственно-надменную линію носа, почти трупную впалость брезгливаго рта и пронзительный холодъ немигающаго взгляда.

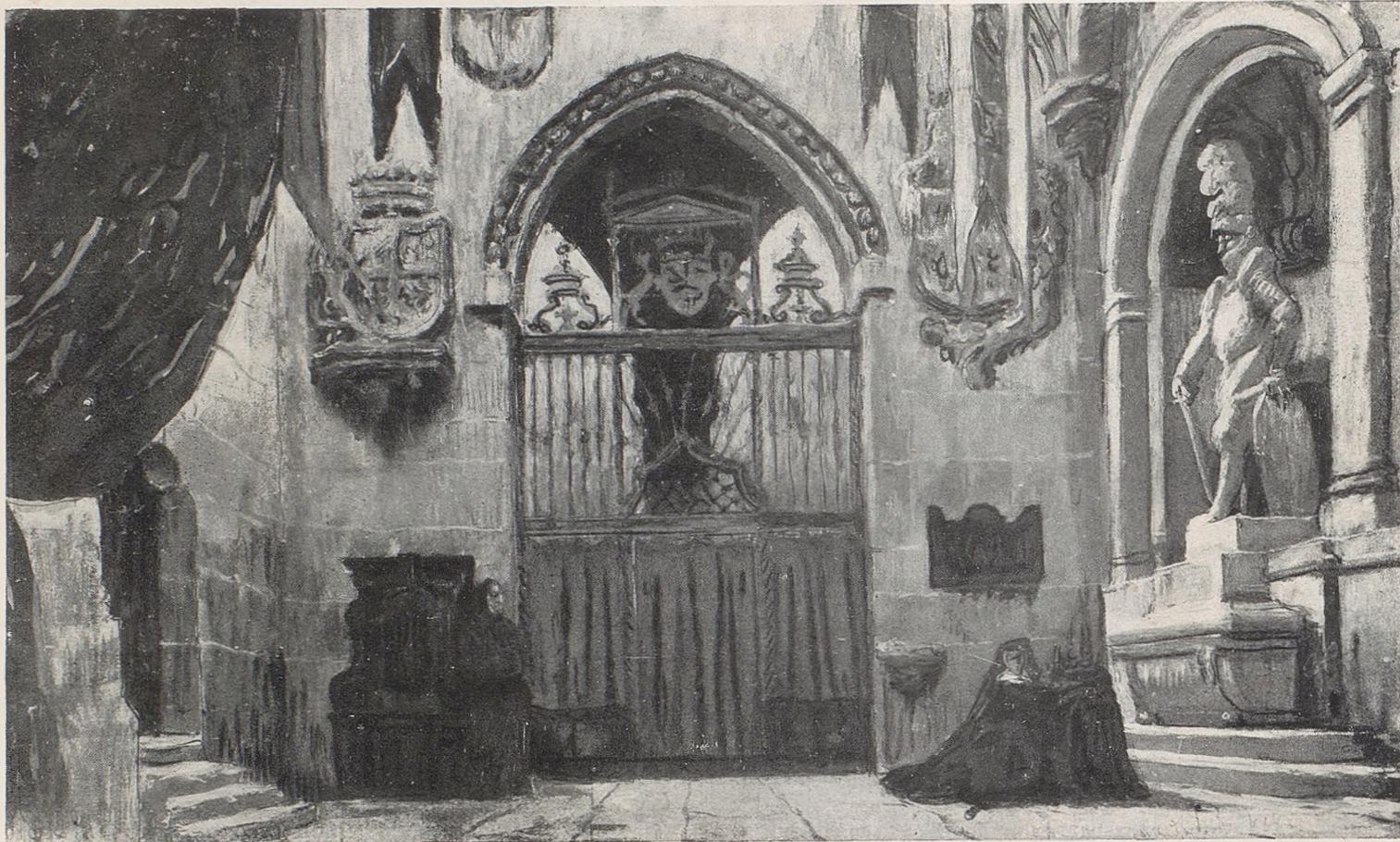
Сохранилось великое множество портретовъ Людовика. Вспомните изваянный Варэномъ бюстъ юноши короля съ ликомъ Аполлона или хотя бы парадный портретъ Гиацинта Ринго, прославляющій изящную и зрѣлую мужественность самодержца.

Но всѣ живописныя свидѣтельства современниковъ поглощаются навязчивымъ воспоминаніемъ о полуразрушенной восковой маскѣ, недаромъ внушившей Аюри де Ренье, поэту

Александръ Бенуа.

Первый вариантъ декорации «Пиръ во время чумы» XI—1914 г.
(Моск. Худ. театр).

Александръ Бенуа.

«Каменный гость» — 3-я картина.
(Моск. Худ. театр).

старого Версаля, одинъ изъ лучшихъ его фантастическихъ разсказовъ: таковъ холодъ трагическаго одиночества, которымъ овѣяна эта мумія нечеловѣческаго великолѣпія.

Медальера, выполнившаго это изображеніе шестидесяти восьмилѣтняго Людовика, звали Антуаномъ Бенуа.

* * *

Прошли вѣка, и искусственный міръ, вызванный къ жизни королевской гордыней и прихотью, обратился въ покинутый загородный музей. Посѣтителі рѣдки и поспѣшны: да и не легко осмотрѣть садъ и дворецъ между двумя побѣдами. Въ то время, какъ гулкіе шаги ихъ отдаются въ Галлереѣ Зеркаль, передъ восковымъ медальономъ спальни поюлгу медлитъ частый гость: безпокойный русскій юноша, потомокъ французскихъ выходцевъ и венеціанскихъ maestri.

Его привела сюда смутная еще судьба и случайныя обязанности хранителя собраній важной русской меценатки. Чуть ли не отъ рожденія непреодолимо, но безпорядочно тяготѣя къ изящнымъ искусствамъ, онъ еще не нашелъ своего пути. Недолгий стажъ въ Академіи, въ классѣ декоративной живописи, заставилъ его усумниться въ своихъ учителяхъ и въ себѣ самомъ, въ своей будущности живописца. Для него начинается пора неустойчивыхъ исканій и скитанія за рубежомъ. Случаемъ онъ привлеченъ въ Версаль и съ тѣхъ поръ прикованъ видѣніемъ ожившаго прошлаго.

Магія города фонтановъ пробудила въ немъ художника, неудержимую потребность творчества. Подъ взглядомъ воскового призрака окрѣпла въ немъ новая очарованная душа. Холодные амфилады и пустыя аллеи населяются для него торжественной и красочной жизнью, и все болѣе облекается въ живую плоть властительное видѣніе короля.

Рука объ руку съ лѣтописцами «великаго вѣка»: неистовымъ герцогомъ Сенъ-Симономъ и почтительнымъ идолопоклонникомъ Данжо, русскій художникъ слѣдуетъ шагъ за шагомъ за поступками и привычными жестами Людовика, проникаетъ въ тайну его неподобной осанки и въ самый ритмъ его величія, царящаго среди архитектурной декораціи дворца и сада.

Какъ иѣкогда на вѣдутахъ Мартэна, мы видимъ короля на прогулкѣ, у парапета бассейна, на набережной «водяного партера».

«Король гулялъ во всякую погоду» или «Король, кормящій рыбу»: каждая изъ этихъ картинъ—словно иллюстрація

къ страницамъ мемуаровъ или, вѣрнѣе, самобытное «разночтеніе» ихъ.

Но и тѣ изъ этихъ небольшихъ холстовъ, что не блистаютъ помпой придворнаго церемоніала, проникнуты необычнымъ духомъ: то ряды пирамидальныхъ кустовъ, змующихъ въ деревянныхъ футлярахъ, стриженные газоны, отрѣзки и перспективы монотоннаго дворца. И эти «топографическіе» этюды связаны съ мѣломъ сверхчеловѣческаго величія, пережитымъ воображеніемъ художника.

Здѣсь все казалось ему въ единомъ свѣтѣ, закатной и печальной, апокалиптической красоты ушерба солнечнаго вѣка. И надо всѣмъ громадной тѣнью, нестремимымъ наважденіемъ нависъ единый образъ: Le Roy!

* * *

Это-то переживание и парекло художникомъ русскаго путешественника, неуголимаго пилигрима версальскихъ аллей. Оно, быть можетъ, заставило его пройти мимо живительнаго движенія, оживившаго въ то время французскую живопись. Онъ остался равнодушенъ, потому что душа его была въ чудесномъ плѣну.

Александръ Бенуа.

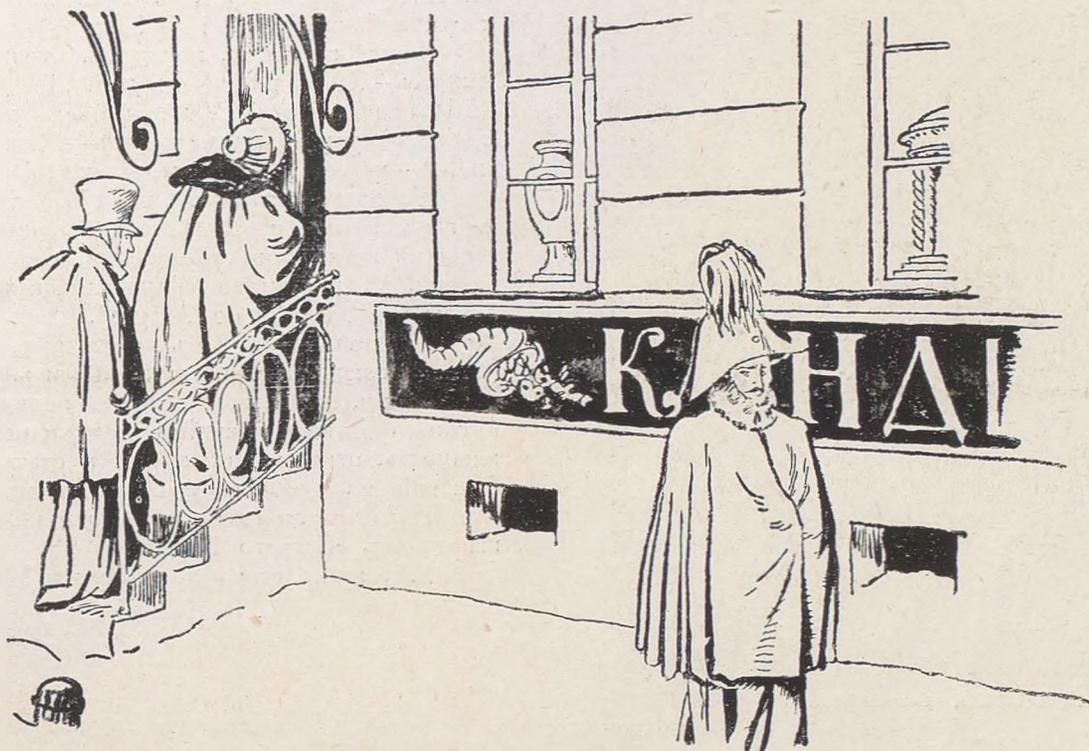
Эскизы декораціи къ балетной инсценировкѣ «Le Fete»—К. Дебюсси.

Вещи версальскаго цика, конечно, лишь «примитивы» будущаго живописца и блестящаго декоратора. Не знаю, какъ оцѣниваетъ созрѣвшій художникъ неловкія по технику и не твердыя по стилю работы молодости. Но здѣсь беретъ начало личный смыслъ его искусства.

Магическій профиль восковаго рельефа поистинѣ сталъ добрымъ гениемъ его, а старый медальеръ Антуанъ—достой-

нымъ крестникомъ, наставившимъ своего далекаго однофамильца, Александра Бенуа, въ призваніи живописца и открывшимъ ему тайну преображенной старины...

Андрей Левинсон,

Александръ Бенуа.

Изъ книги «Пиковая Дама».

МЕЧТЫ О СТАРОМЪ ПАРИЖѢ.

Г. К. ЛУКОМСКИИ.

Война сблизила еще тѣснѣе тѣ народы, которые были дружественно расположены, а теперь вмѣстѣ выступили противъ общаго врага. Еще дороже стала намъ Франція. Но мечтою далекой, почти недоступной, сейчасъ представляется Парижъ... Лишь немногіе счастливицы могутъ повхвать теперь въ столицу міра.

Казалось бы, суровыя событія современности должны бы были отодвинуть отъ насъ картины, рисующія прелесть Парижа. Напротивъ—именно въ этихъ-то воспоминаніяхъ еще прекраснѣе становятся Champs Elysées, Bois de Boulogne, набережныя Сены, бульвары и кварталы старинныя, напоенныя исторіей, краснорѣчиво, художественно рассказывающіе о богатомъ прошломъ...

Именно потому, что эта мечта о столь близкомъ намъ, особенно теперь, Парижѣ, о столь дорогой намъ Франціи стала для насъ такъ трудно осуществимой, почти несбыточной—особенно привлекательно порыться въ своихъ воспоминаніяхъ, перелиставъ альбомы набросковъ, мысленно побродить по любимымъ кварталамъ, заглянуть въ таинственные уголки старинныхъ кварталовъ.

Конечно. Notre Dame, Musée du Louvre, Etoile—наиболѣе извѣстныя «панорамы», наиболѣе пріятныя «восхищенія». Но едва ли не большую «тоску о несбыточномъ» вызываютъ

кварталы правой стороны Сены, едва ли не заставляютъ сладкой болью щемить сердце, грустью о недоступномъ наполнять душу, тѣ уголки, куда рѣдко вступалъ даже любитель прекраснаго, ограничивающійся изученіемъ искусства въ библіотекахъ, музеяхъ и на выставкахъ?

Но тотъ, кто вступалъ въ тихія или оживляемыя мелодичнымъ пѣніемъ подъ аккомпанементъ шарманки нищаго, постановкою Guingel'a или выкрикомъ разносчика узкія, старинныя, нетронутыя современной культурой, улицы кварталовъ, идущихъ вглубь отъ Hôtel de Ville, кто побывалъ въ «Maraais», «Temple», «Saint Martin», — тотъ «отравленъ» навсегда красотой несравненной, изысканной, цѣльной.

Постиженіе красоты историческаго прошлаго Парижа, жизни искусства минувшаго, той жизни, которой нѣтъ и не можетъ быть ни въ какомъ музеѣ—возможно если не только здѣсь, въ этихъ старинныхъ кварталахъ, то особенно здѣсь, гдѣ еще теплится жизнь прошлаго, сохраняется укладъ быта, и, главное, покрыты тою «patine» всѣ постройки, детали, которая неизбѣжно должна быть снята при переносѣ въ музей: плюсть, обвивающій колонны воротъ, статую, огонь лампадъ, зажженныхъ въ храмѣ, лучъ солнца, пронизывающій старинное «витро», фигуры нищихъ на ступенькахъ паперти, кадшки съ олеандрами на дворахъ, усыпанныхъ пескомъ.

Задолго до нынѣшней войны, еще въ 1900 году, стало бросаться въ глаза при посѣщеніи старыхъ кварталовъ Па-